

Владислав Гринзайд
Избранное

Владислав Гринзайд

Избранное

Валсидаль д'Иазниря

Широта души

- А какого диаметра трубы?
- Думаю, достаточно четырёх дюймов.
- Да, пожалуй. А кому поручили проектирование?
- Сантехнику, конечно, он же у нас ответственный за трубопроводы.

Этот, на первый взгляд, технический разговор, обсуждал отнюдь не техническую ситуацию, а, скорее, проблему душевного свойства.

Возводилось высотное общественное здание в центре большого южного города. Я не имел отношения к проектированию, а подключился уже на стадии строительства. Подрядчик вырыл котлован под четырнадцатипятиэтажное здание, в котором должны были располагаться офисы полиции и зал окружного суда.

На дне котлована обнаружили захоронения, которыми так наполнена Земля Обетованная. Подрядчик обратился в управление по делам древностей и получил от них указание такого

рода: произвести топосъёмку и замеры древнего кладбища, дальнейшую же судьбу усопших решать через главный раввинат.

Топосъёмка была произведена и поступила к нам в виде файла автокада. Надо отдать должное землемеру, начертившему древние могилы средствами автокада в довольно реалистичной графике. Было решено откорректировать местоположение фундаментов таким образом, чтоб они располагались между могилами, а связывающая система балок проходила над могилами. Такое решение позволяло продолжать строительство, не дожидаясь разрешения раввината.

Для корректировки фундаментов подгрузили файл геодезиста (с могилами) в чертёж конструктора. Могилы в виде прямоугольников с аморфными границами оказались расположены по диагонали относительно системы балок.

Девочка, на хрупкие плечи которой легла эта увязка, сидела рядом со мной, и я запомнил эту леденящую кровь картинку на экране соседнего компьютера: чёрный фон автокада, цветные балки и серенькие могилки наискосок. Надо отдать должное геодезисту, начертившему могилы средствами автокада в очень реалистичной графике. Увязка продолжалась настолько долго, что мне

начало казаться, будто я продолжаю видеть это кладбище даже на выключенном экране.

Через несколько месяцев инженер изменил конструктивную схему здания, и строительство продолжилось. Тем временем вопрос о судьбе кладбища оставался открытым.

Раввинат не хотел углубляться в подробности, чьи именно это могилы. Имелось подозрение, что захоронение относилось к византийской эпохе, усопшие — не евреи, и можно оставить их на вечный покой под зданием полиции и суда. Но взять за себя ответственность за судьбы покойников раввинат боялся. А вдруг всё-таки евреи? Тогда совсем другое дело — покойники должны воскреснуть при приходе Мессии. По еврейской традиции хоронят без гроба, и могилы не бетонируют, а лишь накрывают плитами и засыпают землёй. Всё это именно для того, чтобы правверный иудей мог восстать из могилы в случае необходимости.

По поводу всей этой ситуации велась переписка обычными современными методами: чертежами, электронными письмами, факсимильными сообщениями в сухой технической манере на официальных бланках проектировщиков, геодезистов и раввината. Одно из таких писем из раввината

предписывало обеспечить возможность «отхода» или «отлёта» душ, окажись они иудеями. «Отлёт» должен осуществляться вертикально, от крыши 14-этажного здания.

Диалог, описанный в начале, как раз и относился к душеприказничеству. Проектирование трубопровода для душ (иными словами, душепровода) было поручено инженеру по системам водоснабжения и водоотведения, как самому сведущему в области труб. Он же, в свою очередь, стал вникать в технические аспекты (в дела, так сказать, душевные).

Встал вопрос о диаметре душепровода. Инженер-сантехник на руках прикидывал четырёхдюймовый диаметр труб к своему телу (в районе черепа и грудной клетки), пытаясь ответить на два сакраментальных вопроса: какого размера душа и где она расположена. Решили, что душа ведёт себя подобно гелиевому шарiku диаметром 4 дюйма, стремящемуся вверх.

Сразу возникли другие вопросы: а можно ли душепроводы от разных могил собрать в один пучок под полом первого этажа и отправить их к праотцам через одну большую шахту? И какой будет размер общего стояка, если объединить в него все душепроводы? А какой уклон горизон-

тальных участков душепроводов? Полетит ли душа при уклоне 1,5 %?

В конце концов, все люди божьи, включая раввинов, сантехников и подрядчиков. Решили не брать грех на душу и сделать по совести, согласно собственному пониманию физики душ. Проложили по возможности отдельные стояки от каждой могилы наиболее вертикальным образом, пусть покоятся себе с миром и ждут, так сказать, прихода.

Тем временем на двенадцатом этаже разворачивалась другая, не менее интересная, трагикомедия. Поскольку договор об аренде нескольких этажей под офисы и залы окружного суда был подписан уже после выпуска проекта, необходимо было изыскать место под камеру временного заключения на время ведения судебных слушаний.

Всезнающая жена моего начальника, являясь при этом главным архитектором проекта, взяла на себя ответственность за проектирование КПЗ. Будучи женщиной властной и не терпящей возражений и чужих мнений, она нашла оптимальное, с её точки зрения, место. Её жизненный опыт не включал в себя знание аспектов тюремной жизни, и она была вынуждена обратиться к литературе. Вероятно, решение ей подсказал сюжет «Графа Монте-Кристо».

Заключённого надо окружить толстыми стенами и бронированной дверью. А где в проекте есть свободное помещение с толстыми стенами и бронированной дверью? Конечно же, в бомбоубежище. Решение было принято и не подлежало обжалованию. Мне была поручена увязка этого вопроса. При более глубоком рассмотрении стала вырисовываться непреодолимая трудность: удовлетворение диаметрально противоположным требованиям двух государственных ведомств.

По требованиям ведомства обороны тыла бомбоубежище должно быть оборудовано системой ручного нагнетания воздуха на случай бомбёжки и отказа вентиляционной системы в случае химической атаки. Дверь должна открываться наружу, чтобы попадание ракеты вблизи двери не открыло её внутрь. Бомбоубежища должны быть оборудованы автономным освещением, электрическими розетками, резервуаром с питьевой водой и автономными химическими туалетами.

Что же до КПЗ, то её дверь должна открываться внутрь, чтобы зэки не выбили её наружу. Доступа к электричеству, выключателям и освещению быть не должно ни в коем случае, потому что психически неуравновешенные подсудимые в попытке сорвать судебное заседание могут нанести

себе увечья любым бытовым предметом. И уж тем более, морально подавленным суицидальным арестантам не следует доверять ручку для нагнетания жизненно необходимого воздуха.

Признаться, как обитатель северного округа, я был недостаточно осведомлён о военно-политической ситуации на юге страны. Будучи человеком практическим, я предположил, что военное положение объявляют не так уж часто, и помещение будет использоваться как КПЗ, а во время войны судебные заседания проводить не будут, а судить и расстреливать дезертиров будут, как и положено, прямо в поле.

Оказалось, что действительность сильно отличается от советского кино. Миномётные и ракетные обстрелы юга Израиля ведутся постоянно, без объявления войны. Сирена срабатывает среди бела дня, и служащие бегут в бомбоубежище. А там — узник замка Иф.

И без того невозможное согласование стало ещё невозможнее. Теперь в одном помещении площадью 12 кв. метров должны сочетаться не только взаимоисключающие требования, но и противоположные группы людей.

Суицидальные или отпетые подсудимые и сотрудники суда. Чтобы понять, что проектировать,

надо понять психологию людей, для которых проектируешь, и неважно, какого масштаба проект: гостиница, аэропорт или автобусная остановка.

Для правильного проектирования надо рассмотреть возможный сценарий развития событий: куда человек пойдёт, чем в первую очередь займётся, попадая в помещение, сколько времени он там будет находиться и как ориентироваться? Важно попытаться понять, какие ощущения будут возникать у посетителя вашего проекта.

Было решено разделить 12-метровое помещение на две зоны по 6 кв. метров с помощью решётки барабанного типа, закреплённой под потолком. Получается ситуация, как в популярном мультфильме «Мадагаскар», где берег делится на «кайфовую» и «некайфовую» стороны. На кайфовой стороне будет свет, розетка, питьевая вода, автономное освещение, химический туалет и, главное, — ручка для нагнетания воздуха. На некайфовой будут нары.

По топологическим соображениям проход в удалённую от двери некайфовую зону возможен только через кайфовую, поскольку подсудимые посажены туда намеренно и запланированно, а служащие суда прибегут на свою «кайфовую» спонтанно, услышав завывания фугаса.

Попытаемся разобраться с возможными сценариями. Сидит удручённый подсудимый в камере — ни ремня, ни шнурков. Раздаётся сирена, и к нему в камеру забегают секретарши, стенографистки и прочий судебный люд.

Предварительно надо опустить барабанную решётку, да так, чтобы подсудимый остался на некайфовой стороне. Если подсудимому приспичит, конвой выведет его до ветру, сквозь строй секретарш, за пределы камеры в смежный с камерой туалет, специально предусмотренный для него управлением тюрем.

А вот секретарши со стенографистками справят нужду, как говорится, не отходя от кассы, за ширмой химического туалета.

Возможен и иной поворот событий. Сидит на своей стороне пахан, который только и думает, как порезаться и ударить себя током, чтобы сорвать заседание суда, а ему нагоняют свежего воздуха стенографистки, крутя ручку за себя и за того парня, чтобы пахану думалось привольнее.

После таких сценариев приход Мессии может остаться незамеченным. Выдавать его будут лишь вылетающие из душепроводов в поднебесье души, диаметром 4 дюйма, как мины и миномета. Может, это не артобстрел, а хорошо сработанный

душепровод запускает над городом души евреев и язычников, а те смотрят на творящееся внизу безобразие и уже ничему не удивляются.

10.10.2019

Бетонная серьга

– Педагог из Бецалеля... Из Бецалеля! – перешёптываются студенты Иерусалимской академии искусств. Искусств! А не из технократического Техниона, куда архитектура затесалась из-за какой-то исторической ошибки.

У него были умные карие глаза, полные печали, солидная борода, лысина, окаймлённая чёрными волосами. Карло-марксовская внешность. Солидный дядя в хорошей одежде свободного фасона – рубаша навыпуск, штаны, вытянутость коленей которых заранее продумана модельером, мягкая кожаная обувь светло-коричневого цвета, прошитая крупной строчкой. В нагрудном кармане короткий, но очень толстый цанговый карандаш 6-B с грифелем диаметра пули первого автомата Калашникова.

Человек с мудрой внешностью умел слушать. Он не перебивал собеседника, в нужные моменты смотрел в глаза своими печальными озёрами, к месту кивал.

Но когда презентация той или иной работы заканчивалась, он коротко рецензировал:

— Не понял, — и, не вдаваясь в подробности, обращал свой взор на следующего студента.

Привыкшие толочь воду в ступе студенты опешили. Впервые в их академической практике презентация голого короля провалилась. Принести в качестве недельной работы псевдо-концептуальное говно и час разглагольствовать над ним считалось нормальным. А новый маэстро не спорил, не отчитывал, он искренне не понимал, в чём тут суть.

Получив своё «не понял», я понял, что так просто мне через это не прорваться. Вообще весь процесс обучения вольным профессиям, изобилующий консультациями и презентациями, где оценка идей субъективна, сводится к стремлению понять конкретного преподавателя.

Если курс ведут двое, попеременно дающие консультации преподаватели, то горе тому, кто пытается черпать знание у обоих «маэстров». Сами маэстры, как правило, ладят друг с другом плохо, и студент рискует закончить курс, так и не выбрав концепцию, не говоря уже о сделанном по ней проекте. Моя же задача облегчалась тем, что из Иерусалима прибыл только один маэстро, и его нужно было понять.

— К следующему уроку принесите «Вход в сон», масштаб 1:1.

Диссонанс между понятием сна — чего-то аморфного и трудновоспроизводимого — и масштаба был сильным. Не помню, что сделал я к следующему уроку, но презентация следующей работы меня шокировала и развеселила одновременно. Одна из студенток принесла деревянную раму размером с человеческий рост. Рама имела подпорки и могла стоять посреди зала. На раму была натянута простыня с вертикальной прорезью. Прорезь начиналась чуть ниже головы и заканчивалась на уровне колен.

Из каких-то соображений, затрудняюсь сказать, эстетических или практических, прорезь была оторочена оборчатым лоскутом. Возможно, без лоскута композиции чего-то не доставало. А может, чтоб края не обтрёпывались при частом вхождении в сон, 1:1.

Симпатичная девушка, принеся сие произведение, продемонстрировала, как она проваливается в сон.

На месте преподавателя я был бы снисходителен к миловидной особе. Маэстро же изменил своему обычному «не понял» и сообщил, что экспонат напоминает ему женские гениталии. По

прошествии лет я понял, что мой юношеский неуспех у женщин был вызван именно этой снисходительностью к милovidным особам.

На одном из занятий речь зашла о материалах в дизайне. Кто-то из студентов продемонстрировал свою работу, в которой основание торшера было сделано из бетона. Обычного бетона с сильной сегрегацией. Некоторые из студентов, считающие, что уже раскусили маэстрообразного педагога, набросились с критикой на мастера по бетонной заливке. Мол, бетон, да на полу в гостиной, да доколе?

Неожиданно на защиту бетонного основания встал сам маэстро.

— Бетон – грубый материал? Да я к следующему уроку принесу вам серьгу из бетона.

Маэстро не забыл обещание. И действительно принёс маленькую коробочку, в которую обычно кладут драгоценности. По аудитории прошёл шепоток:

— Серьга из бетона! Серьга из бетона!

Коробочка пошла по рядам под восторженные реплики. К месту следует рассказать, что я был свежим репатриантом, как называют в Израиле недавно приехавших эмигрантов. Я стоял в углу зала и особо не вмешивался в учебный процесс из-за плохого иврита.

Но не зря ведь эмиграцию в Израиле называют репатриацией. Здесь вам искренне рады. Не всегда и не везде, но по большей части. Вот и в группе была одна религиозная студентка, считавшая своим долгом приобщение новых репатриантов к местным обычаям.

— Все видели? — спросил маэстро.

Зал закивал, и вдруг участливая студентка вспомнила:

— Влад ещё не видел!

И коробочка, обойдя уже полный круг и приближаясь к месту старта, опять поползла ко мне в задние ряды.

Я никого не хотел обидеть, и виной всему плохое знание иврита и вызванный этим шок. Я не ожидал подобного внимания к своей персоне и не мог одновременно следить за качеством незнакомого языка и смыслом собственных высказываний.

Когда коробочка дошла до меня, я увидел в ней капельку застывшего бетона с изогнутым крючком. Остаётся лишь подивиться, откуда на стройке взялись такие мелкие гвозди.

А в зале тем временем воцарилась тишина, ждали ответа косноязычного, но всё же европейского студента.

— Дрянь! — громко произнёс за меня мой голос. И всё как-то стало на свои места. Действительно, дрянь. Напряжение спало, и с маэстрою завязался контакт.

Я постепенно начал его понимать. Своими неадекватными реакциями он пытался донести до студентов простой, но важный принцип дизайна. Не то, чтоб он не понимал сказанного, он не понимал принципов, которыми руководствовались студенты, принимая то или иное решение. Ничто не должно быть случайным. Если угол, цвет, размер или какой-нибудь другой параметр могли варьироваться без видимого ущерба для общей композиции, работа браковывалась приговором «не понимаю». На своих местах должно быть всё, и все элементы должны иметь чёткое основание выбора.

Эти принципы я сформулировал для себя значительно позже, а тогда был сильно озадачен семестриальным заданием — дизайном подставки для пирога.

По моему мнению, пирог вообще не нуждается в подставке, а с таким началом обосновывать дизайнерские решения будет трудно. Рискнуть поразить наповал маэстру своим тезисом, подкреплённым отсутствием подставки, я побоялся,

хотя сейчас понимаю, что это было бы блестяще. Он бы мог оценить... А, может, и нет. Так или иначе, я не рискнул.

Снедаемый тоской-кручиной, я пожаловался старшему товарищу Альберту.

— Это конец, старик, мне через маэстру не прорваться.

Но в решениях, не касающихся тебя лично, частую лежит мудрость.

— Давай продумаем все его вопросы, — сказал Альберт, предварительно уговорив со мной 0,75 беленькой.

Подставка будет в виде Сатурна с шаром диаметром 11 см посередине и кольцом с внутренним радиусом 7 см и внешним 18. Кольцо будет крепиться к шару четырьмя металлическими спицами с шариками на концах. Вся конструкция будет крепиться на основании и металлической ножке под углом 15,5 градусов к поверхности стола.

Но откуда все эти цифры? Параметры кольца вызваны параметром чуда (учитывая упоминавшийся ранее вход в сон в масштабе 1:1, могу предположить, что читатель подумает о чудесах 5:50). Однако речь идёт о посудине для выпечки, в котором бабушка готовила любимый с детства пирог.

Высота подставки определялась агрономикой сидящего человека, которому будет открываться выгодный вид на пирог. Сам же пирог, будучи чудом (на сей раз кулинарным), должен воспарить над столом максимально высоко. Чтоб трапезничающий гурман всё-таки видел предмет своих вожделений, пирогу был придан угол 15.5. Почему именно 15.5? Да потому, что при увеличении наклона ещё на полградуса пирог начинал скользить. А ежели он всё-таки начинал скользить, его должны были удержать от разрушения внутренний большой шар и маленькие периферийные.

Вся эта цепочка заключений была в точности передана маэстре во время презентации.

Не без доли хвастовства скажу, что после начерталки это была моя вторая и последняя сотня за всю академическую карьеру.

Макет

На глянцевой странице журнала это смотрелось божественно — не было видно ни швов, ни подтёков краски, ни даже основания. Домики как будто парили в воздухе, и только на краю макета на поверхности стекла был блик, да и его можно было принять за отблеск глянцевой бумаги. Призмы домов были будто отлиты из белоснежного пластика в условиях невесомости. Очаги высокой застройки вспыхивали среди низких жилых кварталов подобно всплескам графика кардиограммы. Несмотря на белый цвет материала макета, фотография играла всем спектром холодных пастельных полутонов. Линза и расположение фотоаппарата были выбраны идеально, отчего перспектива приобретала драматичность, но в разумных пределах.

Концептуальный макет городской застройки передавал именно то, что должен, — концепцию, не отвлекаясь на детали, цвета и фактуру материалов.

Чтобы не отвлекать читателя, статья о виртуальном городе не касалась техники изготовления макета. Вот те белокаменная сказка — и всё.

* * *

Алекс и Костя решили преодолеть третий год обучения вместе. Масштабность градостроительного проекта открывала новые горизонты безудержной мысли обоих. Внутреннее чувство подсказывало, что две противоположности могли бы отлично дополнять друг друга.

Алекс — провинциальный интеллигент, щуплый, чахоточно бледный, не только не вставлявший в речь бранные слова, но и сурово отчитывающий за похабный анекдот при дамах. Волосы зачёсаны назад, как у комсомольца двадцатых, голова поднята довольно высоко, но чуть склонена вправо, отрешённый взгляд человека, идущего по стопам утопической идеи. Байковая рубашка в клетку с длинным рукавом заправлена в брюки со стрелками и застёгнута на все пуговицы, включая рукава.

У Алекса в портфеле имеется коробочка с обедом, из которой он скромно трапезничает огромной мельхиоровой вилкой с почерневшим узором замысловатого барельефа на увесистом черенке.

В буфете с однокурсниками он чувствует себя немного неловко со своим заготовленным дома обедом, ничего не докупает и сидит на краешке стула, держа коробочку на коленях.

Костя питается только буфетной едой, но сам никогда не покупает, поскольку шествует по жизни пустой. Он активно угощается у однокурсников. На стуле он сидит задом наперёд, то обхватывая спинку руками, то отстраняясь от нее, тем самым получая возможность спаринговаться с ней в кулачном поединке. Костяшки пальцев возбуждённо-розовые и закалённые постоянным набиванием, спина ровная, на лице блуждает улыбка человека, уже исправившего свою карму и занявшегося чакрой.

Ещё в начале семестра Костя, проконсультировавшись с папой-архитектором, принял единственную верную концепцию проекта. Все остальные этапы проектирования нужны лишь для объяснения этой концепции руководителю проекта.

На самом же деле семестр мог бы ограничиться двумя неделями, но академическое расписание заставляет растянуть процесс на три месяца.

Первая неделя совместного творчества показала, что сработаться будет трудно, а вторая — что невозможно.

Классический подход Алекса к проектированию с многочисленными набросками, эскизами, зарисовками и записываниями в блокнот ночных прозрений совершенно не сочетался с Костиным вычерчиванием готового проекта.

Алекс пытался подстроиться под Костю и, сломав все стереотипы, вышел из двухмерного пространства листа в трёхмерное пространство макета на ранней стадии проектирования, что непросто для советского человека, обделённого дефицитными материалами — картоном, клеем ПВА, скальпелем, не говоря уж о пенопластовых шариках, разноцветных булавках и прочей канцелярской дребедени. В состоянии глобального дефицита человек, если и мог позволить себе макет, то только для окончательной версии с минимальным количеством переделок.

Желание Алекса постоянно впечатляться шедеврами мировой архитектуры сыграло с ним злую шутку. С Костей, например, такая шутка была невозможна, поскольку в библиотеке спинки стульев были обиты поролоном и Костиным костяшкам были абсолютно бесполезны — другое дело буфет.

Алекса же в библиотеке поджидали многочисленные ловушки, спрятанные на страницах архи-

тектурных журналов. Очередная ловушка была белоснежная и отливала пастельными холодными полутонами.

Идея была гениальной — работать с пластилином на стеклянном столе. Податливый пластичный материал примет на себя любое количество изменений вплоть до завершающей стадии и подачи проекта. Макет будет динамичным, белым и концептуальным.

Одержимый гениальной идеей, Алекс, экономя на содержимом обеденной коробочки, вложил все свои скромные средства в покупку огромного количества белого пластилина, большого куска толстого стекла и, что самое главное, набора инструментов для профессионального скульптора. Большой кожаный футляр на молнии был наполнен всевозможными лопатками, скальпелями, мастихинами, скребками, шпателями и очень замысловатой формы резцами.

Костин же инструмент был классичен: два ватманских листа — ровно столько, сколько требуется для проекта, цанговый карандаш 6-Б, грифель которого мог бы подойти по диаметру к автомату Калашникова старого образца, несколько ядовитого цвета фломастеров и 8 канцелярских кнопок — по четыре на каждый лист.

Особых усилий для размежевания двух соавторов прикладывать не пришлось, поскольку Костя для работы сразу избрал вертикальную поверхность стены, выбрав место таким образом, чтобы листы до подачи проекта в конце семестра можно было не перевешивать. Он сразу гнал чистовик, в то время как Алекс воплощал свои идеи в пластилин на горизонтальной поверхности стола.

Первый этап раскатки пластилина скалкой по стеклу прошёл почти успешно. Деревянная скалка бабушки не оставляла той глянцевой поверхности, но была удобоваримой, если не считать комка пластилина, попавшего в сучок скалки и выскокившего на следующем обороте, образовав таким образом воронку и холм.

Хитроумной формы шпатель мигом разровнял неровность рельефа, оставив за собой еле заметные борозды. Слои пластилина были толщиной с максимальный дом. Эффект низкой застройки планировалось достичь уменьшением этажности посредством скальпеля. Но прежде надо было вырезать улицы.

Предварительно подложенный под стекло план города совершенно не читался сквозь трёхсантиметровый слой уже довольно серого пластилина с вкраплениями графита, поэтому пришлось

нанести сетку улиц на поверхность пластилинового коржа по памяти. Сила концепции вела резец по пластилиновым гладям.

После разметки началась нарезка пирога. Первый разрез отделил фасады будущих пластилиновых шедевров от левой стороны главного проспекта. В правую сторону проспекта нож вошёл, как в масло, но при этом из-за толщины лезвия левая сторона опять прилипла к фасадам. При извлечении улицы из межфасадного пространства обнаружилась ещё одна серьёзная проблема — улица приклеилась не только к домам, но и к стеклу будущего тротуара. Благо в наборе скульптора нашёлся подходящий прямоугольный мастихин, позволивший по частям извлечь улицу из пластилинового плена.

Ваяние продолжилось, и результат его был печальным: на стеклянных тротуарах лежали ошметки пластилиновой грязи, так называемого строительного мусора, избавиться от которого не было никакой возможности. Его можно было только «причесать» шпателем. Это причёсывание слегка зацепило фасады, отчего те искривились и покосились. Правка фасадов продолговатым прямоугольным мастихином превратила их из прямых призм в наклонные усечённые пирамиды,

оштукатуренные в деревенском стиле грубыми мазками. Они не парили на невидимом прозрачном стекле, а утопали в белесой жиже «причёсанных» улиц.

Разная высота застройки достигалась вжатием пластилиновых хибар в пластилиновые же топи. Некоторые из лачуг получались с вздутыми стенами и острыми углами, напоминающими пуховую подушку, другие своей выступающей круглой крышей походили на фуражку.

Этот макет никого не мог оставить равнодушным. Отчасти он напоминал украинское село времён Тараса Шевченко, отчасти — чеченский посёлок после ковровой бомбардировки. Тут каждый мог найти понятные ему ассоциации. Понять связь между макетом лазерной резки и «последним днём Помпеи» можно было только по лежащему на столе глянцевому журналу.

Костя, не терявший времени даром, раздраковал ватманский лист толстыми линиями в трёх основных направлениях под шестьдесят градусов друг к другу. В пересечениях линий он навёл круглые узлы. Процесс этот назывался мудрым словом «зонирование» и включал в себя «триангуляцию». Его не заботило, что триангуляция плоскости есть занятие бессмысленное и порочное,

противоречащее основным принципам эвклидовой геометрии.

Наш с Лёней путь из общежития в пивную пролегал через факультет, чтоб обойти все ландшафтные строительные работы. Два грузных дядьки — Лёня и я — шли гуськом между рабочими столами однокурсников в сторону окна, кем-то предусмотрительно спроектированного между одинаковыми уровнями пола и тротуара, что позволяло, сильно задрав ногу, использовать его как дверь, открывавшую перед нами пивные горизонты.

Увидев нас с Лёней, Алекс поднял на нас влажные глаза с промелькнувшей в них надеждой и, бессвязно бормоча и жестикулируя, посеменял к Лёне. Крупный добродушный Лёня с неуклюжими жестами и негнущимися от обилия мускулатуры конечностями, показался Алексу подходящим мировым судьёй в неразрешимом конфликте с Костей. Это была последняя попытка вразумить разнуздавшегося триангулятора.

При взгляде на пластилиновый посёлок Лёня ощутил жалость и симпатию, однако не настолько сильные, чтоб изменить траекторию движения. Костина версия умиления не вызывала. Лёня попытался облечь свои мысли в слова и сделать это максимально быстро, так как до заветного окна

оставались считанные метры. Он произнёс коротко сформулированную фразу, открытой ладонью пытаясь показать на Алексов макет, но жест получился невразумительным, поскольку Лёня уже давно миновал макет, а остановка или замедление никак не входили в его планы. Ключевые слова по-соломоновски мудрой фразы прозвучали уже за окном. Мне ничего не оставалось, как последовать за Лёней на зов пива.

Я предпочёл не оборачиваться, чтоб не видеть этого пластилинового краха.

С тех пор Алекс «не вырос ни на сантиметр» — он остановился на уровне третьего курса, взял несколько академок, ушёл в религию, где и женился.

Что же до Кости, то его, с кармой исправленной, ничто не смутило. Благополучно фальсифицировав диплом и бросив жену с ребёнком, он с папой отправился то ли в Канаду, то ли в Америку шлифовать чакру.

15.3.2007

Хор Александрова

Когда-нибудь я стану большим и влиятельным, богатым и всемогущим. А может, и не стану, но всё-таки если стану, первым делом сделаю одну штуку. А может, и не первым делом, но обязательно сделаю. Что, им можно, а мне нельзя?..

Вот и прошла новогодняя ночь, отгуляли, отбухали и уже даже один день отработали. Теперь «Голубые огоньки» опять в моде, настолько в моде, что одновременно идут по всем каналам. Нет, не как программа «Время» в своё время — одно и то же по всем каналам, «Огоньки» — разные. По одному каналу собрали звёздный состав, — всех в лицо и по именам знаю. На другой звёзд не хватило, и собрали всякий сброд с улицы. По третьей программе русифицировали «Вечера на хуторе близ Диканьки».

На второй день прокрутили всё сызнова, чтобы самые сонливые и забуханные граждане общились.

А на третий день новогодние передачи стали иссякать, настроение ещё праздничное, дыхание

ещё хмельное, а передачи кончились. Начинают показывать псевдопраздничные передачи, среди которых уже второй раз за последние два месяца бенефис Розенбаума.

Новогодней передачей это не назовёшь, но потешно. Я попал как раз на то место, когда Александр Яковлевич очень высокопарно высказывался по поводу военных. Мол де, пока на земле стою, но в неё не зарыт, пока в облаках не летаю, военных буду чтить и уважать. И всё с такой суровостью, с металлом в голосе, с желваками. Сила.

Сразу после этого идет казачья песня. Почему именно казачья? Они-то тоже в какой-то степени военные, но о них совсем другой разговор. Ну, какая разница? Захотелось человеку именно сейчас на собственном концерте исполнить именно эту песню. Замечательно. Попутно он решил задействовать военный хор. То ли хор Александрова, то ли ещё какой-то. Они в последнее время перестали представляться. Александров-то умер, но военные остались.

Понятное дело, что военные они ненастоящие, бутафорские, картонные — только внешняя атрибутика: фуражки, кокарда, погоны т.д. Спроси его, как нажимать, чтоб оно стреляло, не ответит, но всё-таки военный оркестр — духовики,

теноры и баритоны — солидно выглядит. А дирижирует ими седовласый офицер в белом кителе и золотых погонах.

Так вот, стали подпевать эти военные Розенбауму, что само по себе лишнее, на мой взгляд. Но тематика кое-как подходящая — казаки, кони и т.д., пусть поют.

И вдруг все поющие переворачивают фуражки задом наперёд, изображая казаков. От этого выступление начинает походить на сборище слабоумных. Чтобы угадать в перевёрнутых фуражках казачество, приходится сильно напрягать воображение.

Сами же военные улыбаются, и от этого сердце кровью обливается. Неужели они не осознают своего идиотского положения, или проклятое безденежье толкает их на такое чудовищное изменение имиджа? Поют родимые, похихикивают, торсами покручивают — прямо утренник какой-то.

Но более обидную штуку недавно сотворил с ними Кобзон. Он, видать, побогаче будет, и шутки у него, стало быть, пообиднее. В начале он заставил александровцев петь «Тум-балалайку», что является одновременно издевательством и над песней, и над военными. Песня эта, изначально весёлая, всегда воспринималась советскими евреями

с грустью, как далёкий отзвук еврейских традиций.

Но скорбь на лицах пожилых представителей хора была вызвана иными соображениями. Да и как же тут не печалиться, когда вас купил Кобзон, со всеми вашими званиями, титулами и наградами. А Кобзон денег зря не платит. Он уж если куражится, так на полную катушку. За «Тум-балалайкой» последовала «Макарена», и военные заёрзали на местах, расставили локотки и задвигали попками. Зрелище, я вам скажу, омерзительное.

Но гвоздь программы (он же полный провал) был после этого. Вояки спели «Песню про зайцев» из репертуара Никулина, в финале песни они резким движением сорвали с голов фуражки, и под ними оказались картонные зайчьи уши на резиночке.

Вот это была настоящая демонстрация кобзоновской мощи.

Так на чём я там остановился? Ах да, когда я стану большим и богатым, я найму хор Александра Петрова петь матерные песни Лаэртского.

Январь 2002

Цирк

— Слышь, Толстый, одевайся скорей, есть халтура!

— Что на сей раз?

— Цирк.

— Цирк?

— Давай, шевелись, там гимнасточки, акробаточки...

— А нам-то что надо делать?

— Рабочие сцены, оплата после каждого дня.

— Поехали!

Ехать пришлось далеко — в «Сердце Хайфского залива», где располагался гастролировавший по Израилю цирк шапито. Погода стояла по-израильски зимняя, то есть дождь, сильный ветер, кругом разлитые лужи как следствие забитых канализационных стоков. На подъезде к означенному месту я ещё из автобуса глазами стал искать главный ориентир цирка — купол. Почему-то купола не было, наверное, из-за дождя я совсем дезориентировался в пространстве и гляжу в неправильном направлении.

По прибытии на место выяснилось, что купола я не нашёл по другой причине — он рухнул и накрыл собой трибуны, и сооружение напоминало развалины древнегреческого театра. Брезент намок и впитал в себя глинистую породу, отчего полностью слился с ландшафтом. Естественно, никаких гимнасточек и акробаточек там не было.

Дождь немного утих, и мы с Альбертом присели на одну из не накрытых брезентом трибун курить. Ни души. Через полчаса к нам присоединился забуханый мужичонка — работник цирка, который и пролил свет на ситуацию.

По бухалову брезент натянули плохо, и он рухнул до окончания гастролей. Все циркачи уехали. Работникам же сцены нужно было разобрать цирк на составные части и сложить в машины.

Надо заметить, что оснащение в цирке было недетское. Об этом свидетельствовали четыре машины «Камаз» с прицепами, электрокар и даже асфальтоукладочный каток! Всё это они привезли с собой из России.

С дорогостоящим оборудованием остались пять пьяных в стельку рабочих. Ничего разбирать, собирать или производить какие-либо другие осмысленные действия они не могли. Для этого были позваны два студента — мы с Альбертом. Мы

должны были разобрать всё сооружение (цирк хоть и шапито, а размеров всё равно приличных) и запаковать в «Камазы».

А у рабочих тем временем из-за отсутствия начальства, зимней меланхолии и близости супермаркета обозначился следующий распорядок дня: один из них вставал часов в девять, вываливался из «Камаза» и бежал в супермаркет за водкой. Одет он был в солдатскую защитную телогрейку с золотыми звёздными пуговицами и подпоясан не менее звёздным военным ремнём. Белые длинные волосы и багровое лицо создавали нездоровый контраст. Человеку с таким видом водка отпускалась без очереди и зачастую без денег — видеть, в магазине работали эстеты.

Принеся пластиковую бутылку водки ёмкостью 1, 75 литров с такой же контрастной, как его лицо, наклейкой (чёрная звезда на красном фоне), он начинал будить остальных циркачей, коих удавалось найти под брезентом. «Пропавшие без вести» сползались позднее сами к середине пузыря.

Как только будился Вова, бутылочная эстафета переходила к нему.

Человек он был незаурядный. Ширина его запястья была с моё колено, огромное брюхо покрыто рыжими волосами, взгляд недобрый, пышные

украинские усы с длинными подусниками. Вова брал ещё почти полный пузырь и стопку пластиковых стаканчиков. Он обходил всех, включая нас с Альбертом, и выпивал на пару. Себе он всегда наливал до краёв и пил без закуси. Обойдя полный круг, Вова собирал всех вместе и опять разливал. Себе, как всегда, полный. Выпив свой стаканчик, вместо закуси он «догонялся» из горла. После этой утренней зарядки Вова начинал витийствовать.

— Не бзди, студент, ты хочь и жид, но хороший, иди сюда, выпьем.

Отказывать Вове было опасно, приходилось бухать.

— А где Петруха? — спрашивал начальник всей артели Борис Иванович.

— Гы-гы-гы, — отвечал Вовочка, — он пошёл хуй топором рубить, хочет жидовське подданство получить! Гы-гы!

Я испытывал ощущения Шарапова в логове Горбатого. После этого тон Вовы становился поучительным, и он передавал мне свою мудрость:

— Ты Эль-Алем не литай, там жида водку не дають.

Вова наливал мне и Борису Ивановичу уже в пятый раз по полстакана — мне из экономии,

а «Борису Ивановичу нэльзя, у него в Германии був той, инстульт, чи той, инфаркт».

Борис Иванович пил действительно мало — в то время, когда в каждом было уже примерно по пятьсот, в Борисе Ивановиче было всего триста пятьдесят. И вёл он себя рассудительно и мудро, как истинный начальник цирка:

— А где Петруха? — интересовался он судьбой подчинённого.

Петруха скоро нашёлся, так как сидел в нашем же кругу, и я понял, что Борис Иванович ещё не может осознать недавнее исчезновение Петрухи.

По сбивчивому рассказу самого Петрухи и навещающим вопросам непьющего Бориса Ивановича я примерно воссоздал картину пропажи Петрухи.

Петруха поехал на «Камазе» «чи ув Хедеру, чи ув Афулу». Машина его без опознавательных знаков и с выключенными фарами сильно вихляла. Когда полицейский остановил «Камаз» и открыл дверь, Петруха выпал оттуда на асфальт.

«Камаз» был конфискован, а Петруха вернулся в Хайфу пешком. Но самое главное, что он сам не заметил пропажи «Камаза». На третий день после происшествия Петруха мучительно вспоминал:

— Було чи тры «Камаза», чи четыре.

Так и не сумев определить количества «Камазов», он ощутил тоску по остроте ощущений во время быстрой езды. Тогда он сел на имеющийся в наличии «Камаз» и стал зверски колесить по асфальтовой арене цирка. Предназначенный сугубо для выступлений гимнасточек и акробаточек асфальт вылетал из-под колёс пластами. От этого арена стала напоминать Мамаево побоище, что сильно затруднило разборку цирка.

К полудню солнце пригревало сильнее, лужи немного подсыхали, что позволяло Вове ложиться спать на Землю Обетованную под «Камаз».

У Петрухи на время проходила зимняя меланхолия, и он принимался за готовку «борща». Ингредиенты для «борща» он находил под вагончиком — гнилые помидоры и лук. Самым примечательным в «борще» было добавление в него апельсин. Петруха настойчиво звал меня попробовать деликатес. Я же счёл возможным отказаться от его гостеприимства благодаря Вовину сну. Вове я не смел бы перечить.

На третий день цирковой работы я ощутил боль в печени и понял, что пришло время сворачивать балаган. На пару с Альбертом мы за оставшиеся до конца недели три дня скатали брезент, разобрали все трибуны и запаковали в три «Кама-

за» с прицепами. Содержимое четвёртого мы сложили штабелями ждать возвращения машины «чи з Хедеры, чи з Афулы».

Будучи в послеинфарктной реабилитации, Борис Иванович не мог предложить нам свою помощь в разборе трибун. Но ощущая себя ответственным за происходящее, он травил байки, предлагал нам водку и, получив наш отказ, пил сам. Мы же с Альбертом, несмотря на Вовину близость (а, возможно, благодаря ей) продержались три дня и довели работу до конца.

С тех пор моё отношение к русскому цирку изменилось. К восхищению профессионализмом трюкачей добавилось восхищение рабочими сцены. Великая штука — русский цирк!

Январь 2002

Михаил Боярский

Было это в Харькове году в восемьдесят первом или восемьдесят втором, а я учился соответственно в первом или во втором классе. Была лютая зима — мороз, снегопад и всё, что полагается. Зимний школьный лагерь, в который я был пристроен родителями, дабы не слонялся по дому и не мучил бабушку, отправился на новогоднее представление во Дворец спорта. А приманкой служил Михаил Боярский.

Только мои сверстники могут понять, насколько был популярен Михаил Боярский среди детей после недавно вышедших «Мушкетёров».

Хрипоголосый усатый дядька машет шпагой, как бешеный, скачет на лошади, в таверне пьёт из колоссальной кружки с крышечкой и т.д. А песни! «Красавице и кубку, счастливому клинку». Аж мурашки по коже.

И вот все, влекомые легендарным усатым дядькой, пошли сквозь стужу и метель во Дворец спорта. С наклеенных по всему городу афиш задорно

глядел на нас всё тот же усатый дядька — хрипун и мушкетёр.

И вот мы внутри, кругом тепло и празднично — гирлянды, ёлка, нарядные дети. Началось представление. Для начала меня развлекали клоунами, потом какой-то мужик что-то спел, потом были конкурсы. Никакого Боярского, никакой хрипотцы и усов, все гладко выбриты и писклявы.

К концу первого отделения я догадался, что Боярский слишком велик и солиден, чтобы развлекать меня — семилетнего пацана — весь день. Он появится во втором отделении, споёт про красавицу и кубок, шашкой помашет.

В перерыв я пошёл к ёлке в вестибюле и получил положенный по ранжиру пакетик конфет, которыми незамедлительно объелся в ожидании усача.

Во втором отделении клоуны продолжили морочение яиц, конкурсы стали более назойливыми и скучными, появился страх, что вызовут на сцену, как вызывают к доске. И как я буду заменять Боярского?

А он, видать, крепко набухался. Он вообще не пришёл! Ни много ни мало, Боярский не пришёл на собственный концерт! Думаете, он отчаянно сражался с гвардейцами кардинала? Или конь его

застрял в сугробах? Нет, он просто набухался до беспамятства и валялся, возможно, даже в уборной Дворца спорта.

Будучи ребёнком доверчивым и впечатлительным, я бы, безусловно, переживал, если бы не одно событие. Перед концертом на заледеневших ступеньках Дворца спорта я нашёл пять рублей, эдакий очень симпатичный синий фантик. Для первоклашки это были огромные деньги. Мне на школьный обед в день давали пятнадцать копеек, а тут пять рублей, их можно не отдавать родителям, они не учтённые и мои. Признаться, я уже маленьким был очень до денег охоч.

Так вот, эти пять рублей меня настолько согрели, размягчили и задобрили, что Боярский мне стал до жопы. Зачем мне пьяный усатый дядька, когда в моём распоряжении целых пять рублей?

Вот по какой цене был продан Боярский в харьковском Дворце спорта в восемьдесят первом или восемьдесят втором году на гребне своей славы. Почём же он сейчас?

Январь 2002

Сила слова

Велика сила слова! А уж русского слова и по-давно. Иное слово сильней иной пули ранит. А ежели это отточенное слово поэта, да ещё и на чужбине, — не переоценить силу его воздействия. Неужели вы никогда не хохотали до упаду, слушая Высоцкого, а от «Когда я вернусь» Галича вам никогда не грустилось?.. Вот и я о том.

Поехал я как-то со своим другом Бутманом в нижний город в Хайфе. Он решил сделать своей жене сюрприз — вместо обычного «Панасоника» со съёмной панелью купил ченджер на десять дисков. Покупка серьёзная, дорогая.

Мой друг Бутман имеет обыкновение самые важные дела делать по пятницам около полудня, когда все организации закрываются, везде короткий день, все работают вполсилы, если вообще работают. Тогда мой друг Бутман (кстати сказать, большой ценитель русского слова) сильно нервничает, портит работу нерасторопных работников. А поскольку дело происходит на Ближнем Востоке,

всё осложняется предвкушением пятничной суеты.

Вот и в этот раз Бутман злился на работников, которые полтора часа только выкорчёвывали старый магнитофон. После они долго возились с новым, чуть не спалили его, монтировали ченджер в багажнике и т.д.

А в три часа дня, когда магазины вокруг давно закрылись и улицы опустели, Бутман решился докупить и установить «пищалки» — высокочастотные динамики. Желая поскорее приняться за пятничный обед, рабочие портачили лихо — уродовали салон автомобиля новыми дырками и шурупами и давно перестали извиняться за это, а Бутман перестал их за это корить, он просто пепелил их взглядом и использовал все резервы великого и могучего себе под нос.

А апогеем всей этой эпопеи стало испытание системы. В машине Бутмана, как на зло, не оказалось ни одного диска. И тут я вспомнил о диске Галича, который я утром купил в русском магазинчике. Ничто не сравнится с неподражаемой манерой Галича петь речитативом, переходящим вдруг в бешеный ритм и останавливающимся для прозаических вставок. Диск начинался с песни «На сопках Маньчжурии»:

В матерщинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика...

Этими словами Галич внёс смятение в умы и души ближневосточных умельцев. Глаза их округлились, раскрылись рты, на лицах читался испуг. Они побежали за начальником. Ведь аппаратура явно сломалась на первых же секундах эксплуатации. Вместо положенного «бум-с-сс, бум-с-сс» динамики разразились хрипловатым тембром и редкими ударами по струнам.

Так Галич через 25 лет после собственной смерти сумел всего лишь несколькими словами напугать видавших виды смуглых людей, ни слова не понимающих по-русски. Воистину, слово — великая сила.

23.3.2002

Послесловие от Бутмана

Одним из упомянутых в рассказе обескураженных голосом Галича работников был Моше Кахлон — впоследствии вице-спикер израильского парламента, затем министр связи и министр соцобеспечения, а позднее министр финансов Израиля.

Славянские корни

Наша с Мироном ивритоязычная работодательница — человек в высшей степени закомплексованный. Любой неоднозначный взгляд или жест вызывают в её воспалённом мозгу множество подозрений и обид.

Например, приходит она, как обычно, в середине дня. Все уже давно заняты своими делами, сидят, уткнувшись в компьютеры, или гутарят по телефону со смежниками (опять-таки уткнувшись в компьютеры).

А она из-за комплексов своих, соблюдая мифические правила этикета, здороваются очень тихо и прямо с порога, то есть с большого расстояния. Естественно, мы, сидящие к двери спиной, часто не слышим этого и не реагируем.

Отсутствие у нас реакции повергает работодателяницу в уныние до конца рабочего дня. Она закрывается у себя в комнате на несколько часов. По выходе из комнаты она с надутым видом снисходит до нас. А под вечер, после того, как весь день

просидели вместе в одной конторе (всей конторы — три комнаты), как-то глупо здороваться.

Вот и сейчас произошло то же самое — разминулся с ней, не услышав шёпота. Через несколько часов мы встретились на кухне при приготовлении кофе. Она молчит, мрачно орудует ложкой в стакане. Здороваться поздновато, а дружелюбность по отношению к ней продемонстрировать надо, а то ведь обидится, нафантазирует всякого, ударится в истерику. Лишнее это, а чего доброго, и на зарплате отразится.

Ну я и решаю сказать ей нейтральную фразу:

— Видишь, последнее время твои шоколадки не убывают, как прежде, — это я на диету сел.

Она, чувствуя отсутствие явного заговора между мной и Мироном против неё, смягчается и отвечает:

— Да... у кого диета, а у кого и стресс, настроение не подходящее.

Намекает на не сложившуюся жизнь. Мол де, плющит её без мужика, колбасит всяко-разно. А, я в свою очередь, думаю: «Как же состояние духа влияет на аппетит?»

Многие израильяне, например, во время войны в Персидском заливе поправились, постоянно хлопая холодильником из-за стресса. И зачем вообще в чисто символической беседе ныть и наме-

кать на тяжёлую долю, явно завидуя моей лёгкой. Ещё сглазит!

Я иду делиться мыслями с Мироном, по дороге обдумывая, в каких словах я ему это изложу. Ведь у работодателя острейший слух плюс знание английского, стало быть, интернациональные слова и русско-ивритский сленг надо сразу отбросить. Никаких «боссов», «шоколадов», «диет» и «стрессов», только славянские корни.

Слово «босс» мы уже давно заменили на «работодательница», как вы уже заметили, «шоколад» был назван «сладостями». Вы попробуйте для эксперимента вот так подбирать слова, сохраняя при этом темп речи, увидите, как это сложно.

Обрисовав Мирону возникшую на кухне ситуацию теми же словами, что рассказываю вам, я дошёл до ключевой фразы работодателя о стрессах и диетах. Первым делом вместо «диеты» подвернулся «пост», однако тут же отпал, так как созвучен английскому «fast» и мог быть понят работодателем, равно как и «стресс».

В итоге вместо «да... у кого диета, а у кого и стресс, настроение не подходящее», получилось следующее: «Да... кои из нас говеют, а кои, не говевши, маются да мытарствуют...»

7.05.2002

Борис Рубашкин

Было это довольно давно, с точки зрения новейшей истории, и произошло с тех пор много событий — рухнула Берлинская стена. Вслед за ней развалилась советская империя. Миграции граждан стали свободными, и евреи уехали в Израиль. А в самом начале перестройки всё заграничное заставляло млеть. В Россию хлынули звездинские, шуфутинские и токаревы со своими «голицынами» и «брайтонами».

Среди прочих заграничных товаров в Россию поступил и румынско-французский Борис Рубашкин. Он был снабжён легендой о белогвардейской эмиграции, а всё белогвардейское воспринималось с уважением — сохранили, дескать, на чужбине культуру и традиции, хоть и с акцентом, а говорят по-русски. И Борис Рубашкин попал в струю возвращенцев-великомучеников.

Я в ту пору был очень молод — учился в средних классах школы, но, несмотря на молодость, почувствовал подвох.

Но пока всё нормально, мне просто что-то померещилось.

Борис Рубашкин придерживался классической манеры исполнять жанровые песни. После каждой подборки из двух-трёх песен он уходил за кулисы и переодевался. Всё пока что нормально. Но вот в середине концерта он начал сдавать. Видимо, сказался возраст и длительный переезд. Объявили песню «Мурка».

«Наверняка, — подумал я, — в своей длительной эмиграции он сохранил какой-нибудь неслыханный доселе исторический вариант этой песни».

И вот на сцене появился Рубашкин. Ему показалось, что «Мурку» должен исполнять обязательно морячок. Бог с ним, пусть будет морячок, видимо, это и есть белогвардейско-французский колорит. Но морячок был из английского прошлого (а сейчас уже из позапрошлого) века. На нём была тельняшка, не удерживающая вываливающееся брюхо, и берет с помпоном. Борис Рубашкин запрыгал по сцене, изображая предынфарктное «Яблочко». После этого он пропел:

В тёмном перъеулке
Встретились два Мурке...

Ну надо же, два Мурке!

— Ты кто?

— Я Мурке.

— И я Мурке!

Но всё это ерунда по сравнению с дальнейшими песнопениями румынско-французского белогвардейца. Он решил исполнить главную песню казачества «Любо, братцы, любо!».

Дело в том, что Борис Рубашкин пребывал в уверенности по поводу своего знания русского языка. Понятное дело, что он немного подзабылся, но ведь не настолько, чтоб не попробовать симпровизировать.

Как-то показывали по телевизору мальчика, уроженца Канады, который, никогда не слышав украинской речи, пишет по-украински стихи. Почему бы и Борису Рубашкину не поупражняться в гораздо более знакомому ему русскому? И Рубашкин запел:

А пьервая пуля,
А пьервая пуля,
А пьервая пуля
В ногу ранила конья.

А вторая пуля,
А вторая пуля,
А вторая пуля
В сьердце ранила меня.

Потом суровому белогвардейцу показалось мало двух пуль, и он продолжил описывать неприятности, постигшие всадника:

А третия пуля,
А третия пуля,
А третия пуля
Угодила в лёб!

Я в ту пору был очень молод, но, несмотря на молодость, я подумал:

«Ну, блядь, и мудака же этот Борис Рубашкин!».

Декабрь 2001

Я умный

Я умный. Я, сука, очень умный. Из меня так и прёт всяко разно. Умище-то у меня разносторонний, острый, хваткий. Не просто эрудиция, как у этих знатоков, называющих себя интеллектуалами. У них — эрудиция в чистом виде, а у меня умище. Всё способен понять, всем интересуюсь, всё умею, а чего не умею, так это по ненадобности.

Я — архитектор. Пространственное воображение, чувство пропорции и цвета у меня. Математическая культура тоже имеется — мог бы сам дома от начала до конца строить. И эргономика, и дизайн, и статический расчёт, и даже камни мог бы класть — благо награждён я силушкой. Ужо я б эти дома доводил до совершенства — я же педант. Плиточку к плиточке, кирпичик к кирпичику.

Да хрен с ними, с домами. У меня же педагогический дар. Подрядился я студентов начерталке учить. У меня самые дебилыные всё понимают. Куда там профессору за мной. Я любое сложнейшее геометрическое явление на пальцах объясню.

И заметьте – никакого педагогического образования. Это у меня врождённое – формулировать да объяснять.

Я и руками мастерить могу. Всё для дома самостоятельно тачаю. И выглядит это рукоделие вполне пристойно. Всё семейство по жениной линии восторгается мной. Ну просто умница: и работающий, и интеллигентный, – принц, вашу мать.

Не могу не отметить, что и в музыке я преуспел – на гитаре лабаю виртуозно. Сам научился, в одиночестве. Технику правой руки довёл до совершенства, над левой работаю.

А намерен я у себя абсолютный слух обнаружил, теперь инструмент могу без камертона настраивать. И гитару могу, и балалайку могу, всё могу.

Но самым главным у нас в семье считалось знание языка, знание в совершенстве, отточенность, так сказать. А два языка ещё лучше. В понятие «двуязычность» вкладывалось столько, такой уровень языка брался за 100%, что двуязычности этой достичь считалось практически невозможным. Большинство людей на земном шаре, по мнению моего отца, вообще не владеют ни одним языком, а двуязычных можно на пальцах одной руки пересчитать.

Но я стремлюсь к этому. Отставив Родину – Украину обрусевшую – погибать в нищете отправился я в Израиль изучать язык предков. Прошу обратить внимание – для своего двуязычия я выбрал не прекрасный украинский язык, не загрязнённый всякой безъязычной мразью английский. Я выбрал древнейший язык Торы, сложный в простоте своей, полный загадок и трактований, язык предков моих.

Изучаю я эту святыню уже одиннадцать лет и могу бегло и довольно красиво изъясняться, писать, читать, преподавать на нём (на иврите). Я приблизился к двуязычию вплотную.

Соедините всё вышесказанное воедино и даже поделите на три, если уж совсем мне не верите. Всё равно останутся одни достоинства. А недостаток у меня один. У меня «хреновая карма», как говорит мой старший брат. Не то чтоб совсем хреновая, но в быту мне не везёт.

То стиральная машина сломается, то купленную за баснословные деньги кровать два месяца не привозят. Самая надёжная машина BMW ездит только на прицепе. Все предметы ломаются сразу по истечении гарантийного срока, и лишь те, гарантию по которым получить невозможно по определению, ломаются сразу после покупки.

Так к чему я всё это? А я к тому, что все мои знания, всё моё красноречие, а самое главное, что и знание древнееврейского святого языка Торы уходят на то, чтобы договариваться о встречах с грёбаными мастерами, техниками, продавцами. Ругаться с ними круглосуточно по телефону и при очных встречах.

Все заработанные мною на разнообразных полях моей разносторонней деятельности деньги уходят на три статьи расхода: покупка бытовых приборов, телефонные звонки мастерам и бензин на поездки к этим самым мастерам в минуты их полной телефонной недостижимости.

И хули с того, что я умный?

Декабрь 2001

Я умный – II

Я уже неоднократно сообщал, что я чрезвычайно умный. И ум у меня не просто багаж знаний и навыков, ум у меня математический, логический. Я могу всё просчитать и предугадать, построить точный алгоритм для достижения той или иной цели.

Вот и в этот раз я сам себе демонстрировал чудеса. Даже не столько демонстрировал, сколько пользовался своим интеллектом (хотя и не забывая при этом фиксировать возможности человеческой собранности и сосредоточенности).

С утра на меня была возложена следующая задача: надо было после работы заехать в ближайший магазин и купить небольшое количество мандаринов и яблок к диетическому ужину. Ничего не забывая и никуда не опаздывая, я отправился в магазин, нашёл все необходимые товары, расплатился и отгарабанил всё в машину.

Из-за малого количества пакетов я принял разумное решение разместить покупки в салоне

на переднем сидении, а не в багажнике. За те две минуты, что я добирался от магазина до дома, пошёл дождь, и я лишний раз зафиксировал мудрость своих расчётов.

Я припарковался таким образом, чтобы удобнее было пробежать к подъезду. Тем временем дождь усилился, и мой компьютеризированный мозг припомнил из уроков географии продолжительность тропических и субтропических дождей в зимний период. Мной было принято единственно правильное решение — не дожидаться окончания тропического дождя, максимально собраться с вещами и мыслями и быстро осуществить перебежку до подъезда.

Я взял портфель с наплечным ремнём и повесил его, как и рекомендовано предприятием-изготовителем, на плечо. Большое место багажа взято, а руки по-прежнему свободны. Затем на правую руку я нанизал сумочку-«радикулитку» (барсетку), а следующими звеньями подцепил два пакета с яблоками и мандаринами. Мизинцами я подхватил полиэтиленовый мешочек с тёплыми носками, в которые я неизменно облачаюсь на работе.левой рукой я взял зонтик.

Всё было готово для марш-броска. Тропический дождь усилился. Я немного приоткрыл дверь,

в образовавшуюся щель высунул автоматический зонтик и раскрыл его над дверью, продолжая всё ещё сидеть в машине. Операция была проведена с таким успехом, что ни одна капля не попала в машину. Я — гений расчёта и эквилибристики!

Я выпрыгнул из машины одним рывком со всеми пакетами и захлопнул дверцу. Абсолютно сухой! Но один малюсенький просчёт я всё-таки совершил — ключ остался в машине на правом переднем сидении.

Не беда. Придерживая зонтик плечом и ухом, я открыл дверь, полез за ключом и достал его. При этой операции я зацепился пакетом с мандаринами за ручку двери, пакет порвался, и несколько мандаринов плюхнулись в лужу. Балансируя яблоками и портфелем, я присел, чтобы подобрать фрукты, и тогда оставшиеся ещё в пакете мандарины присоединились к своим незадачливым собратьям на асфальте. Я всё собрал, немного намочив документы в бумажнике и полы пиджака.

Сразу за этим рассыпались яблоки. Будучи более твёрдыми и круглыми, чем мандарины, они обладали меньшим коэффициентом трения-качения (это последнее, что я зафиксировал). Это их физическое свойство позволило им закатиться под машину в самую липкую жижу. Я опустил

в лужу на колени и собрал яблоки. На время сбора зонтик пришлось отложить в сторону, благодаря чему намочила спина.

После этого я направился к подъезду. Окочевший мизинец правой руки потерял бдительность, и пакетик с носками шлёпнулся в лужу, да так шлёпнулся, что носки впитали в себя всю лужу. Я поднял отяжелевшие от воды носки и продолжил свой путь, но недалеко.

Через пять-семь шагов зонтик зацепился за низкую ветку и вывернулся наизнанку, отчего его вогнутая сферическая поверхность стала накапливать воду. Не будучи в состоянии удерживать эту лохань на ножке ослабевшей левой рукой, я продолжил свой путь до подъезда без зонтика.

Но самое обидное, что обещавший быть многосуточным тропический дождь закончился сразу по достижении мной укрытия.

Вот те и математический склад ума.

Январь 2002

Три танкиста (Арифметический очерк)

Все знают и любят песню «Три танкиста».

Три танкиста, три весёлых друга,
Экипаж машины боевой.

Песня очень популярная, и, как любая популярная песня, имеет множество пародий. Одна из них часто напевалась пионерами-плохишами:

Три танкиста выпили по триста,
А четвёртый выпил восемьсот.

Произведём простой арифметический подсчёт и обнаружим, что

$$300 \times 3 + 800 = 1700,$$

и не просто 1700, а 1700 миллилитров, это очень важно. Пей они воду, я бы не утомлял вас

своими арифметическими изысканиями. Но давайте задумаемся, мог ли воспеваться в песне (даже пародийной) факт распития танкистами газировки или компота?

Да и кто меряет выпитую газировку в миллилитрах с такой точностью?

Ясно, что речь идёт о спиртном.

Теперь подумаем, о каком именно спиртном. Могли ли русские танкисты времён Второй мировой войны пить в танке виски или коньяк? Маловероятно.

А аперитив? Тоже вряд ли. Скорее всего они вдарили по водке.

Мудрый, скорее всего, пожилой читатель возразит мне:

— Молодой человек, вы жизни не знаете, на фронте нам спирт давали.

— И вы его в миллилитрах меряли и пили по 800 за раз в чистом виде? — возражу я.

Если и был спирт, то никто не знает, сколько продукта получилось после смешения с водой. А в песне речь идёт о точных количествах. Значит, всё-таки по водке вдарили, возражений нет? Отлично.

Но как же им удалось набрать такое странное количество водки — литр семьсот?

Предположим, что в их распоряжении были стандартные советские ёмкости: три пол-литровки и одна чекушка. Получается 1750. Куда девались 50 миллилитров?

— Нет, — возразите вы, — хоть речь идёт и о советских танкистах, песня всё-таки пародийная, и можно пользоваться не только советскими стандартами.

— Хорошо, согласен.

Возьмём израильскую промышленность, смешнее и не придумаешь: сидят танкисты в танке где-нибудь у берегов Амура и пьют продукт, разбутылированный в соответствии со стандартами ещё не образовавшегося государства.

Но пусть будет так. Взяли они «Кеглевич» (750), «Сибрук» (750) и добавили одну чекушку русской — опять 1750 получилось. Конечно, они могли взять «McCormick» в пластиковой бутылке, но ведь и там 1750.

Куда девались 50 миллилитров, я вас спрашиваю?! Может быть, у трёх здоровых фронтовиков духу не хватило на последние 50 гр.?

Смешно! Нет, они оставили их на опохмел, 50 гр. на четверых! Ещё смешнее. Да и какой опохмел после таких детских доз? Вероятно, они её пролили. Четыре человека технически хорошо

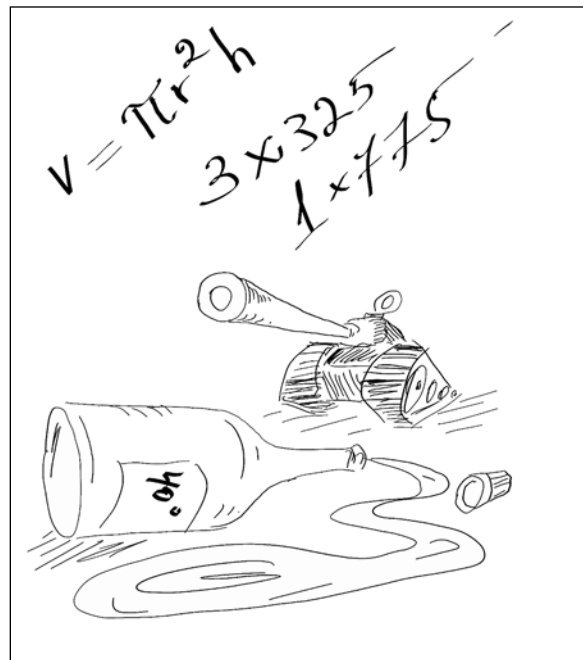
подкованных, из которых один, скорее всего, офицер (неспроста выпивший почти вдвое больше других) в условиях фронтовой действительности пролили 50 гр.? Да за это трибунал!

Остаётся версия, что ёмкость уже была начата. Опять-таки, четыре суровых дяди возят с собой открытый и початый пузырь, стесняясь его приговорить. Ну, знаете, это просто клевета на русского человека!

Предполагать, что они возили с собой ящик сувенирных 50-граммовых бутылочек из Duty Free, из которых можно составить любое количество, кратное пятидесяти, я даже не буду.

Итак, они выпили 1750, а в песню закралась ошибка. В исправленном варианте песня будет звучать так:

Три танкиста выпили по
триста двадцать пять,
а четвёртый выпил
семьсот семьдесят пять.

*Эдварду Лиру — под впечатлением
английской абсурдной поэзии*

Старушонка из штата Огайо
Постоянно слонялась нагая,
И, нагую её нагоняя,
Ей ногою давал нагоняй я.

20.05.2004

Последнее стихотворение

Собирал грибы — ножки тонкие.
А теперь в гробу — ножки толстые.
Ножки толстые, ножки синие,
Съел фальшивый я подосиновик.

В соавторстве с Олегом Гринзайдом.

5.02.2011

*Поездка на учебно-производственный
комбинат в 33 троллейбусе*

Я проснулся вчера утром рано,
Положил все тетради в папку,
И, надев баранию шапку,
Стал весьма похож на барана.

Проглотив свой завтрак холодный,
Я напился несладкого чая
И пошёл на работу, скучая,
Оставаясь при этом голодным.

А троллейбус всё тянет жилы,
Он стоит и ехать не хочет.
Мокрый снег мои брюки мочит,
Покидают уже меня силы.

Я смотрю сквозь толпу на дорогу,
На дороге – пустыня Гоби.
Ждать троллейбуса – моё хобби,
Замерзаю я понемногу.

Загудел, заурчал тридцать третий,
С места тронулся неторопливо,
И, от холода синий, как слива,
Я его на том свете встретил.

1988

*Александр Розенбауму
посвящается*

Александр Розенбаум —
очень плодовитый автор.
Написал немало песен,
хоть прочёл немного книг.
Он закончил медицинский
и никак забыть не может,
что когда-то он работал
скорой помощи врачом.
Но работал он недолго,
и, по правде говоря,
был врачом довольно скверным,
ну, да Бог его простит.
Щас известен он в России,
пишет он, о чём придётся,
и во всяких передачах
принимает он участие.
Рассуждает очень длинно
и играет очень сложно,
он рифмует, что попало, —

только б песен было много.
А в начале девяностых,
когда быть жидом в России
стало вовсе не зазорно,
а, напротив, даже модно,
он напялил магендовид
золотой поверх рубахи
и с жидовским длинным носом
пишет песни про казаков.
Хриплым голосом с надрывом
он поёт о сантиментах,
прославляет ленинградцев,
восхваляет одесситов.
Иногда казну пополнить
приезжает он в Израиль, —
иммигрантовская масса
может слушать, что попало
и платить за всё валютой,
чтоб, вернувшись, Розенбаум
жил безбедно в Ленинграде
и казакам пел бы славу...

1997

*Господа, вы меня убедили, точнее, переубедили. Вдруг
с необычайной ясностью осознал я тленность своих
«нетленок». Ну, бес попутал, каюсь. Но одних слонявых*

признаний и увереный мало. Считаю необходимым опубликовать стих-опровержение по всем пунктам.

Александр Розенбаум, —
видимо, бесплодный автор.
Написал немного песен,
хоть прочёл он массу книг.
Не закончил медицинский
и забыл уже, должно быть,
что он в жизни не работал
скорой помощи врачом.
Не работал никогда он
и, по правде говоря,
даже фельдшером он не был,
ну, да чёрт ему судья.
Щас безвестен он в России,
так как выборочно пишет,
и во всяких передачах
не участвовал давно уж.
Рассуждает лаконично,
незатейливо играет,
он рифмует филигранно —
только б песен было меньше.
На исходе девяностых,
когда быть жидом в России
стало вновь небезопасно,

а, напротив, — даже стыдно,
Он напялил крест огромный
золотой на магендовид
и с курносым сизым носом
начал поносить казаков.
Он фальцетом оскоплённым
брутализм восхваляет.
Посрамляет петербуржцев,
унижает одесситов.
Иногда казну растратить
приезжает он в Израиль,
иммигрантовская масса
может слушать только Сашу
и платить ему рублями,
чтоб, вернувшись, Розенбаум
Жил как нищий, в Петербурге
И казаков материл бы...

20.05.2002

Пародия на «Я выйду в сад в расцвете лет» Петра Куру

Оригинал:

Я выйду в сад в расцвете лет,
Душа торчком,
Под светом бешеных комет —
Трава ничком.

Возьму баян, возьму аккорд,
Рвану меха,
Под скрип начищенных ботфорт
Дам петуха.

Меха в неповторимый миг
Порвутся вдрызг,
Издаст вселенский маховик
Вселенский визг.

И остановится река
На круге том,
И я застыну на века
С открытым ртом.

Пародия:

Иду я ночью в туалет,
Верчу очком.
Ко мне подходит малолет —
Трусы торчком.

Я шапку в снег,
Баян в кусты,
Порвав меха,
Сейчас инфанта посвящу
Я в петуха.

Но оказался он хитёр,
Здоров и смел.
И в вожделении своём
Он преуспел.

Теперь я с порванным очком
Лежу ничком.
Не надо было враждовать
С таким качком.

Остался в поле я лежать
С открытым ртом,
И никому не рассказать
О том потом.

*Пародия на «Автобус»
Антоня Астафьева*

Метель орёт и треплет лица,
Снег забивает мне глаза,
А люди, сбившись, словно птицы,
Стоят и ждут автобуса!

Пародия:

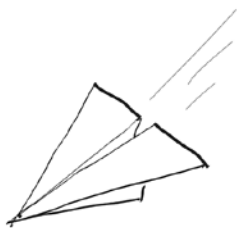
Иные на речном причале
Стремятся в первые ряды,
А я и так стою в начале,
Стою и жду пароходы́.

А на вокзале забастовка,
Все повзлезали на воза,
А я стою смурной в штормовке,
Стою и жду паровоза́.

Аэропорт бьёт в лихорадке,
Там крики, ругань, суета,

А я – ПОЭТ! Пишу в тетрадке:
«Стою и жду самолёта!».

11.01.2006

Руководство по написанию классической песни в стиле «мансон»»

1. Песня должна повествовать о тяжкой доле и бить на жалость.

2. В песне должен упоминаться бесконечный срок.

3. В песне должны упоминаться лишения на зоне, удалённость от родного края, мороз.

4. В песне должно присутствовать самобичевание, не противоречащее, однако, называнию себя уменьшительно-ласкательными существительными – мальчоночкой, парнишечкой.

5. В песне должна быть просьба прощения у мамы.

6. В песне должны присутствовать седеющие волосы или кудри.

7. Песня должна завершаться просьбой у мамы незатейливых предметов первой необходимости.

* * *

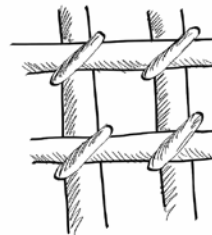
Ты, мать, не жди меня,
Я срок торчу
И зону грёбану
Я щас топчу.
И нам не свидеться
Уж никогда,
И за решёткою
Пройдут года.

У нас морозы тут
Стоят весь год,
А там, за зоной, пруд,
Сирень цветёт.
А мы, мальчишечки,
На зоне тут,
А там девчоночки
На воле ждут.

Ты, мать, прости меня,
Что я такой,
А выйду — буду я
Совсем седой (*вариант: «другой»*).
Пришли мне курева
И чёрный чай.

Не плачь, в натуре, ма,
И не скучай.

Август 2004

Я хотел бы быть Евреем

Я хотел бы быть Евреем,
Мудрым и чернобородым,
Чтоб в конце восьмидесятых,
Будучи лишён гражданства

(заплатив за это деньги!),
Переехать жить в Израиль,
И, прослав здесь грязным русским,
Ностальгически хандрить.

Я хотел бы быть Цыганом
(хорошо, если Сличенко),
А то буду на вокзале
Мелочь тырить и гадать.

Лирическое

Я надену говнодавы
И пойду гулять в леса.
Дятлов стаи, псов оравы,
Одинокая лиса.

Мхи и ложные лисички
На тонюсенькой ноге,
Хлеба пай, сырые спички,
Мутная вода в реке.

Побреду по зыбким топям,
Зовом внутренним влеком.
Под гору скользя на жопе,
В гору с посохом пешком.

Прея в зной, озябши в стужу,
Испражняясь под кусты,
Я очищу свою душу,
Даже выведу глисты.

Чистый, одухотворенный,
Отыскав тропу назад,
Я вернусь и непременно
Сяду вновь за автокад.

27.07.2011

Старенью бой!

Пародия на стих Виктора Вовка «Ах, страшно
быть старым?»

Оригинал:

Ах, страшно быть старым? А ты не старей!
Плесни-ка отравы. Мне тоже налей!

Да нет, ты не понял, о чём говорю.
Опять перепутал с закатом... зарю?

Ведь я же другое имею в виду –
Не горькое зелье, не яд на меду.

Вино золотое!.. Оно лишь одно
Тебе во спасенье и мне заодно.

Смотри: это солнце ядрёное в нём
Играет и брызжет пьянящим лучом!

Возьми это солнце — давай по чуть-чуть!
Как дорого-любю себя... обмануть.

Опять ты заладил — тебя не пойму! —
Про тёмные силы и белую тьму?

Меня уважаешь? Теперь — молодец!
Вина очень много — ещё не конец.

Тут, главное, братец, душой не застыть
И вовремя в старость дорогу забыть.

Ты чувствуешь силу? Встряхнись, наливай!
Ах, добрый напиток! Ах, солнечный май!

Пародия:

Боишься старенья?
Я тоже боюсь.
И я для забвенья
Сегодня напьюсь.

Начну с двух чернил:
По ноль семь и ноль восемь,
Конфеткой заем
«Золотистая осень».

А может быть, осень
Была золотая?
Возможно, но кто
Эти тонкости знает?

Да, детские страхи —
Пустяшное дело.
Как время летит, —
За окном потемнело.

Закат пропустил,
Остаётся восход,
А может, и нет,
То есть наоборот.

Теперь страхи юности
Буду бороться,
Портвейн заливая
В размякшую плоть.

Портвейн на чернила
Лёг лаковым слоем,
И я ощутил вдруг
Здоровье былое.

И печень вернулась
В свои габариты,
И зычно звучит
Баритон не пропитый.

Со страхами юности,
Вроде, покончил
Довольно проворно —
Полпервого ночи.

Теперь остаётся
Лишь самая малость —
Из зрелости выгнать
Проклятую старость.

Для этого белой
Пузырь припасён
И пару пивка,
После этого — всё!

Ершистый напиток!
Диффузии сила!
Меня по ногам,
Как косой, подкосило.

Потом коридор —
И в конце яркий свет,
И холод собачий,
А выхода нет.

Тут главное, братец,
Не зябнуть душой.
Забыл я про старость —
И то хорошо.

Я чувствую силу,
Да нечем налить.
Теперь мой удел —
В небесах воспарить

И зрить сквозь парсеки
Недремлющим оком,
Кривые чертя
В небосводе высоком.

16, 17 ноября 2004

Заячье губо

Отрывок из стихотворения Аксела Варданяна
«Кошачьи глаза»

Чёрные ресницы,
Веера зрачков,
Очи, как зарницы
Из двух огоньков...

Пародия:

Чёрные ресницы,
Веером зрачки.
Ночью вдруг приснится —
Боже, помоги!

Шесть кургузых пальцев
На её руке.
Подсобите, братцы,
Утопить в реке

Этого уродца,
Что о трёх главах.
Или пусть в колодце
Сгинет этот страх.

14.09.2004

Послесловие редактора

Бесхитростно весёлые рассказы Владислава Гринзайда и его занятные стихи обнаруживают забавное в самой банальной повседневности человеческого бытия. Его ироническая улыбка освещает наш противоречивый мир, делая его тусклые и тёмные стороны источниками простодушного смеха. Подмечая кризисные явления, автор превращает воду обыденности в вино праздника.

Владимир Ерохин

Содержание

Широта души	5
Бетонная серьга	15
Макет	23
Хор Александра	33
Цирк	37
Михаил Боярский	44
Сила слова	48
Славянские корни	51
Борис Рубашкин	54
Я умный	59
Я умный – II	63
Три танкиста	68
Эдварду Лиру – под впечатлением английской абсурдной поэзии	74
Последнее стихотворение	75
Поездка на учебно-производственный комбинат в 33 троллейбусе	76

Александр Розенбауму посвящается	78
Пародия на «Я выйду в сад в расцвете лет» Петра Куру	82
Пародия на «Автобус» Антона Астафьева	85
Руководство по написанию классической песни в стиле «шансон»	87
Я хотел бы быть Евреем	90
Лирическое	91
Старенью бой!	93
Заячье губо	98
<i>Владимир Ерохин.</i> Послесловие редактора	100

*Рисунок на обложке Ольги Гринзайд
Иллюстрации Романа Бутмана*

Дизайнер Раиса Гершзон
Редактор Владимир Ерохин

Координатор проекта Пётр Кипнис

УДК 882-1
ББК 84Р7
Г85

Владислав Гринзайд
Избранное. (Второе издание) —
Иерусалим: Волшебный фонарь, 2024. 104 с., ил.

ISBN 978-5-903505-82-1

9 785903 505821 >

- © Владислав Гринзайд, текст, 2023
- © Ольга Гринзайд, рисунок, 2023
- © Роман Бутман, иллюстрации, 2023
- © Владимир Ерохин, послесловие, 2023
- © «Волшебный фонарь», макет, 2023